

ЧЕЛОВЕК СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА ПАВЕЛ МУРАТОВ: ЭКСПЕРТИЗА КРАСОТЫ

Владимир Соловьев

Социологический институт РАН,
Москва

Историк культуры П.П. Муратов, автор знаменитого трехтомника «Образы Италии», совместил в понимании искусства эстетизм и интеллектуально-эмоциональное прочтение артефактов. Имплицитно он мыслил категориями, значениями и понятиями, которые оформятся в науке много позже, но, не употребляя современные термины «метатопография» или «атмосфера места», он, по сути, интегративно обобщал и синтезировал в своих работах науковедческие, культурфилософские, культурологические, исторические, искусствоведческие, географические, психологические и др. знания, позволяющие оптимизировать междисциплинарные ресурсы мышления и воображения применительно к обширному и разноплановому материалу. В статье книга Муратова осмыслена и позиционирована как научно-художественная проверка Италии Россией и России Италией. Изображая Италию как идеальную модель гармонии природы и созидательной деятельности человека, где мир людей органично вписывается в окружающую среду, не ломая ее и не нарушая эстетического равновесия, не опошляя первозданной красоты, Муратов выходил далеко за пределы художественного описания и представил, по сути, экзистенциально-философский отчет о своем опыте переживания прекрасного. Именно Красота, понятая в ее конкретной осуществленности и осмысленная в контексте личного сопричастия, стала предметом творческих изысканий Муратова. В статье приводятся сведения о жизни русского писателя и ученого, показывается значение его трудов для современной России и Италии.

Ключевые слова: Серебряный век, культурно-историческое сбережение, музей, атмосфера места, гений места, метатопография, регенерация культуры, эстетика.

The article draws attention to the cultural historian Pavel P. Muratov, the author of the famous three-volume book *Images of Italy*. It is shown that in his understanding of art Muratov managed to successfully combine aestheticism and intellectual-emotional reading of artifacts. Implicitly, he thought in the categories, meanings, and concepts that would be formalized in science much later, but without using the modern terms “metatopography” or “atmosphere of place”, he, in fact, integratively generalized and synthesized in his works scientific, cultural-philosophical, cultural, historical, art historical, geographical, psychological, and other kinds of knowledge, which allowed him to optimize interdisciplinary resources of thinking and imagination in relation to vast and diverse material. In the article Muratov’s book is conceptualized and positioned as a scientific and artistic verification of Italy by Russia and Russia by Italy. Depicting Italy as an ideal model of harmony between nature and human creative activity, where the world of people organically fits into the environment without breaking it or disturbing the aesthetic balance, without tarnishing the primordial beauty, Muratov went far beyond the limits of artistic description and presented, in fact, an existential-philosophical account of his own experience of the beautiful. It is Beauty, understood in its concrete realization and comprehended in the context of personal involvement, became the subject of Muratov’s creative research. The article provides information about the life of the Russian writer and scientist, shows the importance of his works for modern Russia and Italy.

Keywords: Silver Age, cultural and historical preservation, museum, atmosphere of place, genius of place, metatopography, cultural regeneration, aesthetics.

Искусствовед и писатель Павел Павлович Муратов (1881–1950) не обделен вниманием ни отечественных, ни зарубежных исследователей [2; 5–12; 15–17], это одна из тех притягательных фигур, которые эстафетно переходят из поколения в поколение благодаря вечной актуальности и востребованности оставленного наследия. Муратов – человек поистине ренессансного размаха, что, впрочем, довольно типично для замечательной плеяды мастеров культуры Серебряного века. Художественная литература самой высокой пробы, беллетристика, драма, публицистика, критика, ремесло перевода, музееведение, издательское дело, искусствознание, история, философия, популяризация древнерусской иконы – все это сферы, в которых он свободно парил. А еще, будучи офицером, он отлично разбирался в стратегии и тактике, знал подробности многих сражений, увлеченно корпел над военными картами. Талант писателя и эссеиста совмещался в нем с даром истинного ученого. Сейчас, в век воинствующего дилетантизма, особенно контрастно проступает высокий профессионализм Муратова, специалиста широкого профиля, в равной мере поражающего эксклюзивной квалификацией в классических древностях, эпохе Возрождения или искусстве Древней и Московской Руси.

Настоящая статья не случайно сопровождается подзаголовком «экспертиза красоты». Муратов неизменно демонстрировал беспрецедентное знание предмета и глубокое проникновение в исследуемый материал в первую очередь именно в эстетическом плане. Он допускал, прозревал, прочувствовал существование высшей красоты, отталкивающейся от красоты реальной, земной, будь это живописный вид, природный ландшафт или рукотворное произведение – мосты, арки, каналы, водоемы, фонтаны, торговые точки, карусели, детские площадки, дворики, палисадники, укромные уголки, обелиски, статуи, бюсты, барельефы, панно, росписи, образцы декоративно-прикладного искусства и другие элементы художественного наследия [13, т. 1, с. 183, 206 и др.].

Нынешние постмодернисты безнадежно уступают символисту Муратову в соединении прошлого и современности, в раскрытии кровной связи итальянского искусства с русским, в умении несколькими выразительными словесными штрихами придать мирным пейзажам с морем, волнистыми горами, дикими скалами, одинокой хижинкой на безлюдном берегу нечто инопланетное, как бы пропущенное через особую оптику видения. Признаки общности и близости он обнаруживает и между русской и итальянской природой. Так, расположенные в двадцати километрах к юго-востоку от Рима Альбанские горы особенностями своего рельефа вдруг напоминают Муратову Россию, равно как знакомые по родному краю деревья, глина, овраги, запах прелых листьев. Точно так же, оказавшись в осеннем Версале, М.И. Цветаева отчетливо ощутила с детства памятный ей лесной запах грибов.

Муратов не оперирует термином «гений места», но, по сути, исподволь, опосредованно и косвенно широко обращается именно к этому понятию, широко переосмысливая его в разных культурных контекстах. Ему чуждо узкое толкование гения места как географического и топографического образа, хотя это понятие может включать в себя отдельный

дом, стены, соседние здания, врезку конкретного ландшафта, фрагмент городского пейзажа, привычные приметы и запахи, и, конечно и непременно, людей. В развитие и в дополнение упомянутого определения правомерно предложить еще одно: «атмосфера места» как культурологическое понятие, уточняющее и расширяющее смысловое наполнение термина «гений места». Атмосфера места включает настроения, ассоциации, образы, связанные с конкретным районом, кварталом, достопримечательностями, участком города, населенного пункта или знаковой природно-ландшафтной территории, особую ауру улицы, площади, прилегающих переулков, их неповторимый колорит, природное обаяние живописных окрестностей и др. Ведь все это вместе и по отдельности оставляет след в памяти, оказывает влияние на человека, накладывает отпечаток на его жизнь и судьбу. Для П.П. Муратова атмосфера места – это знаковая среда обитания, локус и сегмент улицы, квартала, города или той их характерной части, которая составляет культурную память о людях, примечательных событиях, фактах и явлениях, архитектурных сооружениях, больших и малых объектах художественного наследия, имеющих непосредственное отношение к истории и культуре.

Атмосфера места – составная часть картины мира П.П. Муратова и психологический маркер, игравший для ученого и писателя не последнюю роль в идентификации себя с родной страной, с духовно близкой ему Италией, в ощущении корневой связи с общехристианскими мировыми ценностями, личная причастность к которым представляется столь же важной, органичной и естественной, как и их культурно-историческое сбережение. В рецензии на книгу «Образы Италии» искусствовед и литературный критик П.П. Перцов главной удачей автора считает, что тому удалось передать, что Италия «входит в жизнь не как отдельное воспоминание туриста, а как вечно сызнава переживаемый факт “истории души”. Италия или ничто для нас самих или часть нас самих» [14, с. 5].

Вот слова П.П. Муратова о Флоренции: «Флоренция жива, и ее душа еще не вся в ее картинах и дворцах. Она говорит с каждым на языке простом и понятном, как язык родины...». И вот еще высказывание о городе цветов: «Этот город, такой обыкновенный в своих лавках, новых домах, новых улицах, где-то хранит для каждого целый клад еще незнакомых чувств, еще неизведанных по тонкости впечатлений. Но даже обыкновенное скоро перестает здесь быть таковым, по мере того как жизнь путешественника обращается в поклонение и сам он из простого любопытного становится пилигримом... Камни Флоренции, так кажется, легче, чем камни, из которых сложены другие города... Дело гения и работа целого народа ремесленников одинаково возможны лишь при наличии колоссального накопления энергии. В одном случае она снижается в ослепительной молнии, в другом сгорает на тихом огне бесчисленных очагов... Содержание кватроченто (Возрождение XV в.) исчерпывается таким простым понятием, как жизнь в мире. Исполнение этого простейшего из всех назначений человека привело к полному и быстрому расцвету искусства, которое представляется чудом для нас, верных иной заповеди, обреченных на жизнь в себе и отделенных от мира... Окинуть взглядом лежащий вокруг мир, услышать зов его вещей и протянуть к ним

руку, отдать им свое сердце, ничего не утаивая из дарованных ему сил, – в такую минуту человек перестает быть гостем на земле и бросает в нее полновесное зерно будущего. Для того чтобы флорентинец кватроченто мог окинуть взглядом свои владения, они не должны быть безмерны. Отечество – это Флоренция, она – новый Рим и новые Афины, она – храм, мастерская, место, хранимое Богом. Все в ней должно быть понятно, все освещено историей и украшено искусством» [1].

Близкий друг Муратова писатель и переводчик Б.К. Зайцев, которому посвящены «Образы Италии», отзывался об этом сочинении как не об имеющем равных по артистичности переживания Италии, по познаниям и изяществу исполнения. По его словам, эти книги идут «в тон и с той полосой русского духовного развития, когда культура наша, в некоем недолгом “ренессансе” или “Серебряном веке” выходила из провинциализма конца XIX столетия к краткому, трагическому цветению начала XX» [4, с. 89–99].

Наряду с понятием «атмосфера места» в отношении муратовского произведения автор считает своевременным ввести в научный оборот интегративное понятие «метатопография», включающее синтезирующее обобщение науковедческих, культурфилософских, культурологических, исторических, психологических и др. знаний, позволяющих оптимизировать междисциплинарные ресурсы мышления и воображения применительно к обширному и разноплановому материалу, выходящему за рамки настоящей статьи, но нацеливающему на продолжение этой перспективной работы в указанном направлении.

Италия, по Муратову, долгое время была идеальной моделью гармонии природы и созидательной деятельности человека. Мир людей здесь мягко вписан в окружающую среду, не ломая ее, не нарушая эстетического равновесия, не опошляя первозданной красоты. Но, увы, благословенная Италия не избежала разрушительных диссонансов, и Муратова буквально коробит от экспансивного вторжения в былую идиллию грубых вставок научно-технического прогресса (этой проблеме посвящен рассказ «Война птиц»). Еще больше омрачает тонкую душу страстного ревнителя гуманизма утвердившийся в стране фашистский режим Б. Муссолини. Последнее обстоятельство сыграло главную роль в том, что Муратов покидает Италию. Ему равно ненавистны насильственные изменения природы вещей и природы людей. Осуществляемая под прессингом страха, террора и репрессий социальная инженерия для него неприемлема, и точно так же он категорически отказывается признать происходящие на его глазах деформации развитием и однозначно расценивает их как деградацию вследствие искусственного и агрессивно-амбициозного вмешательства в естественный ход вещей.

Муратов прикипел сердцем к Италии во многом потому, что вдохновлялся наблюдаемой им регенерацией культуры, возобновлением и возвращением обожаемых и почитаемых им ренессансных традиций, тенденций и трендов. Рефреном в его трехтомнике проходит мысль о том, чем именно обогащает европоцентристски ориентированного человека Италия, что привносит она в сокровищницу мировой культуры. «Мы возвращаемся из Италии с новым мироощущением слиянности на-

чал и концов, – пишет он, – единства истории и современности, неразрывности личного и всемирного, правды вечного круговорота вещей, более древней правды, чем скудная идея прогресса» [6, с. 11]. «Мы, – продолжает Муратов, – не увозим с собою... богатств... но бесчисленные спиритуальные сокровища, которые мы приобретаем здесь и с которыми ничто не заставило бы нас расстаться» [13, т. 3, с. 250].

Эти драгоценные россыпи духа, воплощенные во впечатлениях и в мыслях, значат для него куда больше, чем вещный мир, материальное опредмечивание запечатленных образов. Более чем две тысячи сопровождающих текст репродукций сообщают увлекательному изложению красочную конкретность.

К разочарованию искусствоведа и писателя, Италия перестала питать его вдохновляющим творческое горение эстетическим симбиозом искусства и жизни, прекратила посылать прежние импульсы, подтверждающие возможность полной гармонии человека с окружающим миром. Настоящее неумолимо пожирает и теснит прошлое, образы минувшего тускнеют, несмотря на внешнюю неизменность и инвариантность визуально доминирующей старины.

Особенности, преимущества и вариативность методов оценки Муратовым различных (преобладают живопись и архитектура) артефактов обусловлены оригинальными качествами объекта. Простота и сложность интерпретации эстетически интересных и значимых памятников культуры не поддается регламентации, ибо построена не столько на анализе, систематизации, классификации, сколько на эмоциональных реакциях автора. В его передаче эмоциональный уровень восприятия определяется такими факторами, как привлекательность, удовольствие от созерцания и кульминационный момент этого созерцания (когда происходит проникновение в мысль), сила эстетического переживания, что переплелось в своеобразный синтез любви, любования, любопытства. Причем эстетизация, по Муратову, проявляется субъективно и может зависеть, к примеру, от несовместимости артефакта с утилитарной принадлежностью или какими-то чисто формальными качествами (внешними эффектами) и функциями. Разумеется, превалирует во всем этом личностное начало – то, что философ культуры В.В. Бычков называет интуитивным узрением и суждением профессионала-эстетика [3, с. 101]. Нет сомнения в том, что Муратов был таковым.

Заглавием знаменитые «Образы Италии» в трех томах [13] невольно навевают ассоциации со «Сказками об Италии» – циклом из 27 рассказов А.М. Горького. Однако эти произведения рифмуются не в такой степени, в какой были близки и дружны их авторы, кстати, оба отъявленные италофилы. И все же, две книги связывают не только общая страноведческая основа и примерно одинаковая хронология (1908–1918 у Муратова и 1911–1913 у Горького), но и пульсирующее в них ощущение вечной жизненной стихии. Правда, приверженный рабочей теме основоположник соцреализма заметно проигрывает Муратову, так поэтично, вдохновенно и артистично выразившем в трехтомнике свое восприятие Италии.

По жизни Муратову как будто не было уготовано быть гуманитарием. Он воспитывался в кадетском корпусе, в юности тяготел к математи-

ке и точным наукам, окончив Институт путей сообщения в Петербурге, получил диплом инженера. Затем молодой человек пошел по военной стезе и стал артиллерийским офицером. Пожалуй, кардинальный поворот в жизни будущего историка искусства произошел тогда, когда он поступил на службу в Румянцевский музей, где вопреки профильной специальности был принят на должность хранителя в Отдел изящных искусств и классических древностей. Дар критика-очеркиста, умеющего с интеллектуальным блеском и подкупающей доходчивостью донести до читателя плоды своих раздумий, в полной мере раскрылся в публикациях начала 1900-х гг. в арт-журналах «Весы», «Золотое руно», «Аполлон» и «Старые годы». Это была серьезная заявка на искусствоведческий профессионализм, впоследствии оформившийся в фундаментальную, монографически выполненную работу над 6-м томом «Истории русского искусства», к которой привлек Муратова дружески расположенный к нему и разглядевший в нем одаренного исследователя инициатор издания И.Э. Грабарь. Следующий шаг в постижении мира искусства – художественный журнал «София» (выходил с 1913 по 1914 гг.). Это было уже во многом детище самого Муратова. Он выступал здесь в качестве главного редактора, руководствовавшегося собственной концепцией. Основные ее положения сводились к тому, что русское искусство сопряжено с европейским, а не изолировано от него, тем самым Муратов оспаривал позицию солидного петербургского издания «Русская икона», придерживавшегося кардинально противоположной идеологии.

С началом I мировой войны Муратов, верный офицерскому и патристическому долгу, едет на фронт, участвует в боевых действиях, за что удостоивается заслуженных наград (двух орденов).

Октябрьскую революцию он принял вполне лояльно и с 1918 по 1922 гг. с энтузиазмом работал в Отделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР. По его инициативе был создан Музей искусства Востока и основано Общество итальянских исследований «Studio Italiano».

Расхождение с большевистской властью у Муратова началось, когда он включился в работу Комитета помощи голодающим (Помгол). Как и на многих других участников этой организации (писателя Бориса Зайцева, например), на него пало подозрение в причастности к контрреволюционной деятельности. Последовал арест (в 1921 г.), и, хотя затем обвинения были сняты, оказавшись на свободе, Муратов предпочел воспользоваться спасительной зарубежной командировкой и навсегда покинул Россию. Из Германии, где оказался первоначально, он вскоре переехал в Рим, поскольку его роман с Италией завязался еще в досоветские годы. Следующий зарубежный адрес Муратова – Париж. Здесь он проводит 12 лет, тесно сойдясь с представителями русской эмиграции и публикуясь в газете «Возрождение».

Последний период его жизни (1939–1950) связан с Англией и Ирландией. В эти годы он выступает (в том числе в соавторстве) как плодотворно работающий историк. Так, в библиографии его трудов видное место занимает фундаментальное исследование по истории Кавказских войн.

Из нескольких десятков сочинений главной в творческом наследии П.П. Муратова остается получившая всемирное признание трехтомная книга «Образы Италии». В самой Италии, где ее перевели с русского на итальянский, она также считается одной из лучших, освещающих поистине золотые страницы итальянской культуры. Автор эстетически безупречно, с безукоризненным вкусом, литературным талантом и фирменной для его стиля меланхолической горчинкой излагает и показывает самое прекрасное в художественном наследии полюбившейся ему страны. Ученый-знарок, эксперт и тонкий ценитель красоты, он без всякого менторства и пережима приобщает к ней своего читателя, помогая в должной мере насладиться не только образами искусства, но и замечательными пейзажами, получить представление о простых и изысканных винах солнечного края, национальной кухне, об обычаях и нравах итальянцев.

О высокой репутации Муратова в Италии и пиетете по отношению к нему свидетельствуют носящий его имя Международный научно-исследовательский центр в Риме, Флорентийское общество, где ему принадлежит почетное место, и, конечно, периодическое издание на итальянском языке его книг.

Сочинение Муратова было, есть и на все времена будет лучшей книгой об Италии, на которую чутко отзывается русское сердце.

Литература

Исследования

1. *Баренбойм П.* «Успенье нежное, Флоренция в Москве» // Вестник Европы. 2002. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2002/5/uspene-nezhnoe-florenziya-v-moskve.html>.
2. *Бочкарева Н.С., Загороднева К.В.* Эссе «На родине Джорджоне» в контексте художественной критики П.П. Муратова // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 5. С. 58–66.
3. *Бычков В.В.* Эстетическое в системе культуры // Мир культуры: Труды Государственной академии славянской культуры. 2000. Вып. 2. С. 92–106.
4. *Зайцев Б.К.* П.П. Муратов // Зайцев Б.К. Далекое. Вашингтон: Inter-Linguat literary Associates, 1965. С. 89–99.
5. *Иванова И.Г.* П.П. Муратов и его вклад в развитие представлений о культурном ландшафте // Наследие и современность. 1998. Вып. № 1. С. 95–116.
6. *Муратова К.М.* Удивительная книга. Приветственное слово участникам конкурса // «Образы Италии» П.П. Муратова: Сборник эссе / Ред.-сост. М.А. Лопухова. М.: ЛУМ, 2018. С. 5–12.
7. «Образы Италии» П.П. Муратова: Сборник эссе / Ред.-сост. М.А. Лопухова. М.: ЛУМ, 2018.
8. *Примочкина Н.М.* Горький и Павел Муратов: История литературных отношений // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 273–287.
9. *Себежко Е.С.* Муратов: образ Италии // Себежко Е.С. Друг друга отражают зеркала... Уильям Бекфорд и его след в русской литературе. М.; Калуга: Полиграф-Информ, 2002. С. 120–144.

10. Степанов А.В. Образы России в «Образы Италии» Павла Муратова // Россия–Запад–Восток: Литературные и культурные связи. Вып. 2: Образы Италии в России–Петербурге–Пушкинском Доме. СПб.: Пушкинский Дом, 2014. С. 187–191.
11. Beaune-Gray D. L'itinéraire intellectuel de Pavel Muratov (1881–1945) // Colloque Les Premières Rencontres de l'Institut européen Est-Ouest. – Lyon, ENS LSH. 2–4 décembre 2004. P. 439–458.
12. Lencek L.M. The Venetian Mirror: Pavel Pavlovich Muratov's "Obrazy Italii" (1924) and the Literature of Art // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 344–358.

Источники

13. Муратов П.П. Образы Италии. В 3 т. М.: Арт-Родник, 2008.
14. Перцев П. Голос Москвы. 1912. № 120. С. 5.
15. Толмачев В.М. Муратов, Павел Павлович // Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 67–68.
16. Чертков Л.Н. Муратов, Павел Павлович // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. В 9 т. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978. URL: <https://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp>.
17. Щемелёва Л.М. Муратов, Павел Павлович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М.: Большая российская энциклопедия; Фанит, 1999. С. 171–175.

Solovyov, Vladimir M. *Silver Age man Pavel Muratov: beauty expertise*

References

1. Barenboim, P. (2002), "Tender Assumption, Florence in Moscow", *Vestnik Yevropy*, no. 5, URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2002/5/uspene-nezhnoe-florencziya-v-moskve.html> (in Russian).
2. Bochkareva, N.S., & Zagorodneva, K.V. (2009), Essay *At the Birthplace of Giorgione* in the context of P.P. Muratov's art criticism, *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 5, pp. 58–66 (in Russian).
3. Bychkov, V.V. (2000), Aesthetic in the system of culture, *Mir kul'tury: Trudy Gosudarstvennoy akademii slavyanskoy kul'tury*, vol. 2, pp. 92–106 (in Russian).
4. Zaitsev, B.K. (1965), P.P. Muratov, in: Zaitsev, B.K., *Dalekoe* [The Far], Inter-Languaght literary Associates, Washington, pp. 89–99 (in Russian).
5. Ivanova, I.G. (1998), P.P. Muratov and his contribution to the development of ideas about a cultural landscape, *Naslediye i sovremennost'*, no. 1, pp. 95–116 (in Russian).
6. Muratova, K.M. (2018), Amazing Book. Greeting speech to the participants of the contest, in: Lopukhova, M.A. (ed.), "*Obrazy Italii*" P.P. Muratova: *Sbornik esse* [Images of Italy by P.P. Muratov: Collection of essays], LUM, Moscow, pp. 5–12 (in Russian).
7. Lopukhova, M.A. (ed.) (2018), "*Obrazy Italii*" P.P. Muratova: *Sbornik esse* [Images of Italy by P.P. Muratov: Collection of essays], LUM, Moscow (in Russian).
8. Primochkina, N.M. (2003), Gorky and Pavel Muratov: History of literary relations, *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 61, pp. 273–287 (in Russian).
9. Sebezshko, E.S. (2002), Muratov: the image of Italy, in: Sebezshko, E.S., *Drug druga otrazhayut zerkala... Uil'yam Bekford i yego sled v russkoy literature* [The Mirrors

- Reflect Each Other... William Beckford and His Trace in Russian Literature], Polygraph-Inform, Moscow, Kaluga, pp. 120–144 (in Russian).
10. Stepanov, A.V. (2014), Images of Russia in *Images of Italy* by Pavel Muratov, in: *Rossiia–Zapad–Vostok: Literaturnyye i kul'turnyye svyazi. Vyp. 2: Obrazy Italii v Rossii–Peterburge–Pushkinskom Dome* [Russia–West–East: Literary and Cultural Relations. Vol. 2: Images of Italy in Russia–St. Petersburg–Pushkin House), Pushkinskiy Dom, pp. 187–191 (in Russian).
  11. Beaune-Gray, D. (2004), L'itinéraire intellectuel de Pavel Muratov (1881–1945), in: *Colloque Les Premières Rencontres de l'Institut européen Est-Ouest. – Lyon, ENS LSH. 2–4 décembre 2004*, pp. 439–458.
  12. Lencek, L.M. (2015), The Venetian Mirror: Pavel Pavlovich Muratov's "Obrazy Italii" (1924) and the Literature of Art, *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, no. 1, pp. 344–358.